

Батырева Л. П.
ВРЕМЯ, МЕСТО, ЧЕЛОВЕК СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА
(на материале произведений Е.Ф. Вихрева)

I. Уроженец Ивановской земли и вдохновенный ее певец Ефим Фёдорович Вихрев был не чужд такого способа передачи местного колорита в своих произведениях, как использование диалектизмов. Обратившись к рассказам и очеркам писателя («Родники», «Палех», «Годы», «Освобождение раба», «Бедный гений», «Ножницы», «"Стенька Разин" на Уводи», «Неведомая Хохлома»), мы обнаружили что местных слов в них немало, притом что объем написанного Е. Вихревым невелик.

II. Диалектные лексические единицы активно используются им для создания речевого портрета персонажей. Вот несколько реплик героев произведений писателя, содержащих местную лексику: *Он ведь большевик **бывалошний**, попервое их был в коммунистах-то; А **бывалошние**-то мастера в нанковых портках ходили¹; **Осlobоди** Балхона, а коли не нравится – съмай другую квартиру²; **Вещичка-то блазнит**³; А? **Задрягал** бородкой-то?⁴; Ну, зато **молонья** такая была, словно в самом деле дракон, инда перекрутилась⁵.*

Интересно в связи с этим обратиться к «мемуарам малограмотного сочинителя» – к произведению «Бедный гений», которое представляет собой как бы текст А. Балденкова, обрамленный вступительным и заключительным словом «публикатора», который, впрочем, оговаривается: «Я не знаю, честно с моей стороны или нет, то, что к «мемуарам малограмотного» примешались и мои собственные вымыслы, созданные, впрочем, на основании его писем и рассказов о нем. Если бы Александр Балденков был жив сейчас, он, может быть, был бы на меня в обиде. А может быть – наоборот» [Вихрев 1961: 242].

Итак, основной повествователь в «Бедном гении» – не alter ego автора, как в других произведениях, а весьма своеобразная личность. «Удачливый иконописец, председатель комбеда, спившийся большевик, красноармеец, милиционер, малограмотный поэт, свободный художник, сторож кирпичного завода, сознательный маляр... Сколько различных людей совместилося в одном человеке, а цельного и большого не получилось» [Вихрев 1961: 280]. Действительно, с одной стороны, перед нами человек, не чуждый культуры, художник, поэт, пытающийся выдержать литературный слог. Но в то же время речь его изобилует просторечными словами и синтаксическими конструкциями, разного рода диалектизмами. Что это – слог самого А. Балденкова или языковой портрет, созданный Е. Вихревым, удачная стилизация? Наверное, это не столь важно. Стоит отнести к «Бедному гению» как к оригинальному творению автора Е. Вихрева, основанному на реальных фактах и документах.

Местное слово неотъемлемо от местного «среднего», по словам Е. Вихрева, человека. Те или иные реалии именуется привычно, никак иначе названы быть не могут. Назовем некоторые из этих «привычных» слов, использованных в «Бедном гении»: *Услышав мой неистовый визг, **женка** не стерпела и пошла мне на выручку; **Может быть, матушка** запоролла бы меня до смерти, если бы не спасла меня одна **женка**⁶, жившая на другом **порядке**⁷; Я же в это время со своими товарищами на речке ловил раков и пек их **на теплине**⁸; Через месяц я уже **наваракал** первое письмо своим родителям⁹; Бабушка выбегает **на волю**¹⁰ и, боязливо поглядывая в сторону бахваловой избы, направляется к дому.*

¹ *Бывалошний, бывалошний* – старинный, относящийся к прошлому. Слово широко бытует на территории Ивановской обл. (Сав., Лух., Шуйск., Ил., Пест., Юж.).

² *Осlobодить* – освободить. Ср.: *Я твоё письмо читаю каждый ден как находится слободное время* (из письма 1941 г. жителя г. Юрьевца И.И. Максимова).

³ *Блазнить* ‘чудится, мерещится, представляется’, ‘соблазняет, прельщает, искушает’ [СРНГ 2: 313–314].

⁴ *Задрягать* – затрясти. Ср.: *дрягать* ‘болтать из стороны в сторону’ (Г.-Посад., Шуйск., Родн.); *дряга’ться* ‘свисая или висая свободно, болтаться из стороны в сторону’ (Шуйск., Родн., Сав., Палех.).

⁵ *Молонья* – молния. См. у Д.Н. Семёновского: *Палючая струя, / Святая молонья!*

⁶ *Жёнка* – жена (Шуйск., Лух., Юж., Родн., Тейк., Лежн.).

⁷ *Порядок* – ряд домов, составляющих одну сторону улицы (Шуйск., Палех.).

⁸ *Теплина* – костёр (Шуйск., Юж.). Ср. также у Д.Н. Семёновского: *Миг – и схватились. Жарок пыл сердец. / Полощут крылья, как две пары теплин.*

⁹ *Наваракать* – плохо, неразборчиво написать [СРНГ 19: 149].

Отметим синтаксическую конструкцию, известную на территории Ивановский обл., – творительный причины: *А отец мой помер у казенки разрывом сердца с бутылкой в руках*. Интерес здесь представляет и слово *казёнка*. Так называют винный магазин. Шуянин А. А. Невский в своих воспоминаниях о детских годах пишет: «В угловом двухэтажном доме на этой площади была «казенка» – казенная лавка, где продавалась водка» [Короткова: 229]. В этом значении слово фиксируется в областных словарях – ОСВГ, КрКОС. Хотя в БАС и МАС даётся с пометами *просторечное, устаревшее*. (Кстати, информация о смерти отца А. Балденкова содержится и в очерках о Палехе, но она подается уже совсем иначе: *Отец Бедного Геня умирает с бутылкой в руке у казенки*. Другой повествователь – другие языковые средства – синтаксические, морфологические, лексические (*помер* – форма прошедшего времени сов. вида и *умирает* – настоящее историческое время, форма несов. вида), но при этом важное, несущее смысловую нагрузку экспрессивное слово неизменно присутствует в обоих случаях.)

Речевой портрет Бедного гения дополняет, с одной стороны, просторечная лексика (*на пятом году моего ученья хозяин помер; дьякон местного прихода вздумал слямзить кирпичей*), с другой стороны, – сугубо книжная (*бил за каждую запинку своей феноменальной дланью; и вот мы с матушкой приезжаем в виде субагентов в Москву; я экипировался, кое-что приобрел для дома; по тому времени такая сумма денег, да еще с ребенка была очень максимальна; если и удавалось одному из сотни переходить на крупное, так и то по какой-нибудь протектуре или фавору; к девятнадцати годам я уже успел завербовать симпатии от прекрасного пола как на родине, так и по отъездам, так что на романтической арене я был герой; Гаврила Григорьевич хвалил меня чуть не до панегиризма коллеге Носкову; в тихие часы полуночных вдохновений я бываю хозяином всей мировой атмосферы и ничего нет для меня недоступного и враждебного; в стихах: идти по эллипсу прогресса; как гладиатор на арене*). Часто эти противоположные языковые стихии – разговорная и книжная – нарочито сталкиваются: *и вот я срядился с оным грибом за целковый с тем, чтобы он ехал на нашу деревню; да и они со мной опосля этого искушения намучились по ихним после рассказам; и гений вручил мне новое оружие против несознательности темных масс, а именно – я принялся сочинять заместо гимнов и призывов ехидные памфлеты на наши волостные события больших и маленьких маситабов; вот как смотивировал я его подноготную; опосля этого случая я распустил вожжи и дал полный ход своему пегасу; несмотря, что я был несколько под Бахусом, я успел сообразить; я все косточки его пересчитал на своей лире; до слуха моего доносилась только симфония доимых коров; лучше, мол, подохну с великим страданием добровольно, чем под ножом эскулапа и др.*

Литературное слово функционирует и в таком виде: *На другой день была назначена рандева на соборном валу; Гражданам нашего патриархального села хорошо известна фигура с портфелем одного исполкомского дельца; но и тут мне суждено было потерпеть новую фиаску*. Облик иноязычного слова искажается в угоду поставленной задаче – показать противоречивого человека, стремящегося к литературности и изысканности в выражениях, но не всегда умело и правильно пользующегося языковым материалом. См. также в очерках о Палехе цитату из «памфлета» А. Балденкова – *вместо дудки револьверт*; в речи художников-палешан – *Посмотрите вот на мои эскизы; Вот видите, это для плепорции; Мы тоже конпануем разные сюжеты*; в речи Капитона Воробьева – героя рассказа «Ножницы» – *струмент, начпорт*; в речи персонажей рассказа «Освобождение раба» – *Мамаша, а француз-то твой сам что ли делал этот статуй?*

Использование разностилевой литературной, жаргонной, просторечной, диалектной лексики, столкновение ее в одном контексте «работает» на задачу автора – написать портрет противоречивой личности – «бедного гения, великого человека, обреченного на маленькую судьбу» [Вихрев 1961: 280].

Речь персонажей Вихрева характеризуется морфологическими диалектно-просторечными особенностями: *старуха моя боится молниев-то; а тую осину я распилил; в такую путь не боитесь ехать; – Ах, она этаякая! Ругает мово Ванятку* («Неведомая Хохлома»); в «Палехе» и рассказе «Ножницы» – глаголы со значением многократности, повторяемости действия (*Да, паря, мы, бывало-то, и пивали, и учеников бивали; Он назвал меня по имени и отчеству, сказал, что он много слыхивал обо мне <...>*). Имеются указания на фонетические черты говора: *От ивановских фабрик она принесла сюда великую преданность, чахоточное лицо цвета сурового ивановского миткаля и угловатое оканье в выговоре («Годы»); Только одинаковое угловатое оканье в выговоре наводит на*

¹⁰ *Вóля* – пространство вне дома, улица, двор (Шуйск., Лух.).

мысль о каком-то отдаленном родстве («Палех»). Местное неполное оканье представляется писателю не без оснований не вполне оканьем – «угловатым».

III. Локально окрашенная лексика вложена не только в уста персонажей. Нормой является включение диалектизма в речь повествователя. При этом писатель не считает нужным специально толковать диалектное слово, используя, например, сноски или пространные комментарии. (Один из немногих примеров толкования – через общеупотребительный синоним: *Вы знаете, как иконописцы берёзку справляли, семик?*). Возникает, следовательно, вопрос об адекватности восприятия текста читателем.

Чаще всего указания на те или иные семантические признаки слова содержит контекст. Слово **коробница** употребляется, например, следующим образом: *Вот я тебе коробницу бельевую сплел; <...> из Козлоков приезжают с возом сенных коробниц бабушка Татьяна и дедушка Михаил <...>; Дедушка Михаил зимой не плетет коробницы, а кладет в других деревнях печи. Следовательно, коробница – это плетеная емкость для разных хозяйственных нужд, корзина*¹¹.

Контекст может быть более или менее пространным, и значение определяется с большей или меньшей точностью. Так, не вызывает вопросов слово **поставок** (в поставки кладут соль и сахар); название утренней смены на фабрике – **заработки**¹² (*Лена ходит туда то на заработки, то на смену. Если на заработки, я не вижу ее целый день: она поднимается на рассвете, а приходит, когда я уже сплю. Отправляясь на смену, она повязывает на голову белый ситцевый платок. В одну руку берет узелок с хлебом, а в другую гамаши*); слова **увал**¹³ и **петров крест**¹⁴ (*Это было через год – ранней весной, когда еще в лесах и в увалах лежат пласты грязноватого снега, но когда уже на кочковатых проталинах мутно розовеет жирный чешуйчатый стебель петрова креста*); **бочаг**, **бочажок** (*У бочагов, в сырой прохладе, розоватые и голубые, дрожат незабудки; Палешка прихотливо извивается по селу и по-за селом, образуя спокойные уемистые*¹⁵ *бочажки – места для купанья*)¹⁶.

Значение же слова **кочетины** (*Кочетины соломенных кровель в розовые зори врезались, как призыв: восстань, соверши, исполни и вытерпи; И на кровлях – высокая, светлая тайна, такая большая, что даже кочетины вдруг растворяются в ней, а избы прикасаются к самому небу*)¹⁷ можно понять весьма приблизительно человеку, далекому от деревенской жизни – контекст в данном случае поэтичен, метафоричен.

Отсутствие специального комментария для диалектных слов связано с тем, что писатель, по-видимому, считал их общеупотребительными, не обладающими коннотацией нелитературности. Свидетельством того, что некоторые диалектные лексемы действительно были достаточно широко известны в данной местности, является факт использования их другими писателями. Так, одно из любимых, многократно использованных Е. Вихревым слов – **лужавина** ‘луг, лужок’ (*Из наших окон видна широкая немощеная улица с зеленеющими кое-где лужавинами; Минувя деревню, мы пошли лужавинами и перелесками, и вдруг перед нами открылась широкая, вся в желтых бутонных*

¹¹ Широко бытует в говорах, отмечено в: Сав., Юж., Родн., Шуйск., Ил., Лежн., Палех.

¹² Употребляется в говорах, как правило, в форме ед. ч. – *заработка* (*В три смены роботали: в ночь, дённая и заработка; На заработку-ту за семь километров на власипеде гоняла; Отец как раз на заработки собирался; Утренняя смена называлась «на заработку».* Шуйск., Родн., Лежн., Ил.).

¹³ *Увал* – низменное место [СРНГ 46: 158]. Хотя ср.: *За часовенкой, за оврагом, лежали, красуясь над Волгой, горы – Увал, как называли в городе это место* (Н. Смирнов, «Золотой Плёс»); *Какое-то особое удовольствие было <...> в том, что за едой можно было, прищуриив глаза, смотреть сквозь пар своего дыхания на далекие увалы полей и перелесков* (С. Никитин, «Как разжечь сырые дрова»).

¹⁴ *Петров крест* – хвощ (лат. *Equisétum*).

¹⁵ Ср.: «1. Уёмистый, ая, ое. 1. Занимающий мало места. Яросл.» [СРНГ 46: 323].

¹⁶ *Бочаг*, *бочажок* – пруд (?). Ср. в местнх говорах: ‘яма, впадина, заполненная водой’ (Пест., Шуйск., Пуч., Г.-Посад., Зав., Юрьев., Фурм., Прив.); ‘глубокое место в реке’ (Шуйск., Юрьев., Ил., Пуч.); ‘пруд’ (Шуйск., Вич., Ив.); ‘небольшое болото’ (Зав., Прив.); ‘широкое место на речке, место для купания’ (Ив.). См. также: *Лицом она повернулась к темному бочагу с илистыми берегами; Факт тот, что вам надо идти вот здесь, – показал он вдоль бочага; мы <...> переплыли на другую сторону бочага* (С. Никитин, «Живая вода»); *Песчаная отмель резко и косо уходила в воду, обещая порядочную глубину. Подобные бочаги на малых реках бывают очень глубоки и студены, на дне у них, как правило, шевелятся в тине родники; Еще бежать и бежать этому ручейку, пока образуется первый бочажок и появится новое понятие – глубина* (В. Солоухин, «Владимирские проселки»).

¹⁷ *Кочетина* – жердь на крыше, с помощью которой держится солома (Ив., Юж., Шуйск.); *кочетá* – брёвна на крыше, на них кладётся солома, которая затем крепится жердями Палех.).

купальницах, пойма («Родники»); Люди разбрелись кучками по лужавине («Палех»); На лужавине обучался взвод красноармейцев («Стенька Разин» на Уводи); Улочки поросли лужавинами («Неведомая Хохлома») – неоднократно употребляет поэт Д. Семеновский (Там лужавины – с весельем да плясом, / Роуци – с черемухой, церкви – со Спасом...; Перелески, овражки, овины, / Пояса полевых изгород, / Как цветы посреди лужавины, / На селе собирался народ). В рассказе «Ножницы» использовано слово **подожок** (Через минуту передо мной стоял, сгорбившись, человек лет сорока, огромный и неуклюжий, насквозь промокший, с подошком в руке)¹⁸. Ср. у Д. Семеновского: Ходит по полю – сам упирается, / На ольховый кривой падожок; Он идет – на падог упирается. Слово **гамаши**¹⁹ (В одну руку берет узелок с хлебом, а в другую гамаши) в повести «Родники» используется как название вида обуви. Ср. у Д. Семеновского: уж немало обнов нажила: / Платье, гамаши, платок с бахромой.

Об активности использования представленных лексем говорят записи современной диалектной речи (см. сноски); «Материалы к областному словарю» Т. С. Ворошиловой, где, в частности, фиксируются слова *кочетина, коробица, коровенник, инда, теплинка*, данные СРНГ, КрКОС и ЯОС.

Некоторые диалектные лексические единицы имеют вполне прозрачную внутреннюю форму, раскрывающую их семантику. К таковым отнесем слова **бывалошний, строчья, мозговой**. Включение их в весьма красноречивый контекст делает эти лексемы понятными читателю: *льняные ткани <...> отправляются в палехскую кооперативную артель строчей; Строчьи работают в артельной мастерской и др.; Мозговой был человек... Неученый был человек, а перешибет всякого ученого.*

И все же некоторые слова могут вызвать вопросы даже у местного жителя. Например, **елошником** в говорах Ивановской обл. называют как ольховый лес, так и еловый лес [Жмурко: 19, 21]. Контекст – *Сквозь пудреницы видится мне Палех, журавли колодцев, соловьиный елошник Палешки и берёзы на улицах; <...> в самый тенистый уголок села, где много древесной зелени, где близок соловьиный елошник Палешки* – дает информацию о том, что **елошник** – это лес. Дотошный же читатель, пользуясь словарями (КрКОС, ЯОС) и имея некоторое количество знаний из области биологии, может предположить, что имеется в виду ольховый лес. Наконец, вновь обратившись к поэтическим произведениям Д. Семеновского, посвященным Палеху, мы найдем ответ на вопрос: *Ты сядешь под ольхой прибрежной...*

Комментарий необходим для этнографизмов. Так, словом **мытилка** (*Маляра Лобова отец выпросил красок и нарисовал красками реку Тезу, соборную колокольню, мытилку и сад*) в ивановских говорах именуют специальное сооружение на реке, мостки или сруб, где стирают и полощут бельё²⁰. Понятное местному жителю (впрочем, сейчас уже не каждому) слово остается загадкой для широкого круга читателей.

Способом оценки писателем слова как нелитературного (кроме включения его в состав реплик персонажей-простолудинов, использования сносок и пространного толкования) могли бы быть кавычки, как, например, в стихотворениях Дм. Семеновского: *Славлю жизнь. Проклинаю «жисть» – / Мать нужды, преступлений, несчастий; А ты, Иван с прозваньем Постный, / Ты три часа у дня в свой срок, / Как говорят в народе, «порнул»*. Во втором примере есть еще и отсылка, – *как говорят в народе* – характеризующая сферу употребления слова. У Е. Вихрева нет такого рода отторжения от своего, авторского, лексикона диалектного и просторечного слова.

IV. Тексты Е. Вихрева интересны тем, что содержат информацию о происхождении местных лексических единиц, в частности, устойчивого сравнения **как Ваня Тетерин**. В Шуе таким образом характеризуют глупого человека. И понятно почему: Ваня Тетерин – известный шуйский юродивый (см. о нем также: [Иванов: 199]). «Голова, как у Ленина, а ума, как у Вани Тетерина», – такую характеристику, данную отцом своей большеголовой дочери, довелось нам услышать в Шуе.

V. В произведениях писателя имеются лексемы, сфера употребления которых еще более узка – ограничена не только территориально, но и профессионально. Так, словарь А. Балденкова («Бедный

¹⁸ Ср.: *подо́г, подожо́к* – палка, клюшка, посох (Шуйск., Зав., Кинеш., Пуч., Сав.).

¹⁹ *Гамáши* – ботинки, башмаки (Тейк., Шуйск., Юж., Сав., Ил., Лежн., Палех., Ил., Вич.).

²⁰ Ср.: *А ковры стирать, дак в мытилках – на реке домушки такие без пола; Мытилка – это избушка и мостки там, там ни ветру, ничё, полощи – не зябни; Там была печь, её подтапливали и подогревали руки. Навесной пол. На нём от стены небольшое отверстие, где полощут бельё. Мытилки делали из дерева. Стены бревенчатые, обитые тёмом* (Шуйск., Палех., В.-ланд., Ив., Г.-Посад., Юж., Лежн.).

гений») включает лексику иконописцев, богомазов: *мелочь, крупное, маслята, стеномазы, стенное, фигурист, мелочник, бруснижник*²¹ и др. Например: *С мелочи я уже перешел благодаря своему таланту на крупное и выучился писать масляными красками, а таких у нас называли маслятами или стеномазами, то есть могли работать в церквах, на стенном; Фигурист вывел платье, руки и ноги угодника; Погуляв лето и осень, я был отдан в своей же деревне кустарю-иконнику писать лица – самую мелочь. Нас, мелочников, называли тогда бруснижниками; Но зато в ней работали по своей алкогольной слабости первые светила в Москве по лицевому делу.*

VI. Многие из слов, употребленных писателем, сейчас уже устарели. Так, *отъездка* (Осенью иконописец уезжал на всю зиму в отъездки; Люди в отъездках пропивают с собой всё и работают в церквах, завернутые в одеяла; Люди в отъездках разбиваются на две партии, одна из которых пьет, другая работает и наоборот) в БАС представлено как устаревшее, в МАС вообще отсутствует. Можно назвать и такие архаизмы и историзмы, как: *смазной*²² сапог, *избач*²³, *не обинуясь* 'не задумываясь' – деепричастие от не употребляющегося уже глагола *обиноваться*²⁴. Этот набор лексем представляет определенный этап развития лексической системы русского языка, непосредственно связанный с определенным этапом истории страны. В 20-30-ые гг. эти слова, по-видимому, не вызывали вопросов у читателя.

VII. Итак, одной из составляющих речи писателя – местного жителя является диалектное слово. Естественным было обнаружить диалектизмы в «Родниках» – в рассказах «о мире, родившем и воспитавшем будущего писателя», в которых «господствует лирическая стихия, связанная с неизгладимыми впечатлениями, теми «чистыми родниками жизни», к которым прикоснулся писатель в детстве»²⁵. Местная лексика используется в других произведениях о жителях Ивановской земли. Диалектная номинация используется писателем даже тогда, когда существует литературный синоним (*кочетины – колья, коробица – корзина*). Диалектизм оказывается предпочтительным как более точное (видовое, а не родовое) наименование, более колоритное, имеющее местную окраску.

Писатель вплетает в языковую ткань своих произведений диалектные слова, называющие явления природы (*бочаг, елошник, лужавина, петров крест, увал, молонья*), реалии сельского быта (*теплина, мытилка, порядок*), предметы домашнего обихода (*коробица, кандейка*²⁶, *поставок*), слова, характеризующие трудовую деятельность провинциала, в том числе работу местного художника (*строчья, заработки, отъездка, мелочь, маслята, стеномазы, стенное, фигурист, мелочник, бруснижник, лицевое дело*) и др. При этом в текстах Е. Вихрева наблюдается взаимодействие микрополей разных лексико-тематических групп, выявляющее значимые для писателя смыслы. Так, пересечение тематических групп «Природа» и «Человек» реализуется в прозвище одного из героев «Родников» – *Летошней коровенник*: *А в Шуе мне попала случайного подвода: в Палех возвращался из отъездки один иконник, а возницей его был тоже палешанин – по фамилии Воробьев, а по прозвищу Летошней коровенник. В наших краях коровенником называется белый гриб, а возница действительно был похож на летошней, то есть на прошлогодний, коровенник: лицо у него было желтое и сморщенное, а борода, цвета земли, моталась из стороны в сторону острым клином. И вот я срядился с оным грибом за целковый с тем, чтобы он ехал на нашу деревню*²⁷. Явление природы становится, таким образом, источником весьма точной характеристики

²¹ Слово *бруснижник*, между прочим, дает возможность определить характер согласного в суффиксе слов – наименований ягод: оно образовано от *бруснига*. Суффикс -ига – одна из характерных черт местных говоров.

²² *Смазной* – «(сапож.). О кожаных изделиях: смазываемый ворвань, дегтем и т.п.» [Ушаков]; *устар.* [Ожегов].

²³ *Избач* – «(неол.). Деревенский культработник, руководящий работой избы читальни» [Ушаков]; 'заведующий избой-читальней' [ТСЯС].

²⁴ *Обиноваться* – «церк. колебаться, сомневаться, не доверять, опасаться двоякого, неверного исхода» [Даль].

²⁵ Е. Ф. Вихрев. Избранные произведения. Иваново, 1961. Вступительная статья П. В. Куприяновского. С. 17, 15.

²⁶ *Кандейка* – кастрюля (*Кастрюля – это то же, что и кандейка, с двумя ручками, можно готовить в ней, сейчас вот коз доят – тоже кандейка*. Шуйск.). Ср. также: 'сосуд с узким горлышком для хранения жидкостей' (Шуйск. Иван.); 'ендова'; 'кружка'; 'маленькая чашка'; 'глиняная чашечка с ручкой для перетапливания масла'; 'кадка для воды, бадейка'; 'маленький горшок' [СРНГ 13: 39].

²⁷ Ср.: *лётось* 'в прошлом году' (Вич., Комс., Пест., Шуйск., Фурм.); *лётосный, лётосный* (год) 'прошлый (год)' (Шуйск., Тейк.). *Коровенник* 'белый гриб' (Родн., Шуйск.), 'старый белый гриб' (Палех., Юж.).

человека. В «Неведомой Хохломе» *деревина* – это не просто «ствол дерева, бревно, колода» (БАС, МАС, КрКОС), но то, что в результате вложенного человеческого труда станет по меньшей мере предметом быта (*А ковш ... был из трех деревин*), а, возможно, и явлением искусства. Т. е. актуализируются такие существенные семантические признаки слова, как: ‘растение’, ‘служащее для изготовления человеком предмета домашнего обихода’, ‘могущее стать явлением искусства’. Связь семантических полей «Труд» – «Искусство» закрепляется в наименованиях предметов быта – *причелина* (Даль: ‘верхний или нижний косяк в дверях и окнах; *вот эту избу плотник построил скромно, но все внимание сосредоточил на оконных причелинах; надоконные и наддверные причелины клубились фантастикой; изба разукрашена... фризами, подзорами, ставнями, причелинами и др.*)²⁸; *кандейка, поставок* (*Он сразу же показал нам свои кандейки, поставки и ложки; вот посмотрите на эту кандейку*).

Компоненты содержания отдельных лексических единиц, связи и отношения между ними раскрывают мировидение писателя, выявляют важную для него мысль – мысль о неразрывной связи между природой, человеком с его каждодневным трудом, бытом и высоким искусством. Природа для вихревских героев – органичная среда, источник изучения и характеристики человека, источник труда и вдохновения. Творчество местных мастеров-художников невозможно без конкретных *лужавин, елошиников, бочагов, увалов*. Эту мысль акцентирует поэт Д. Семёновский в стихотворении «Лукоморье», посвященном палехскому художнику Д. Н. Буторину: *Кто в дубе сказочном узнает / Тень от ольхи на берегу, / А в лукоморьи угадает / Студеной Палешки дугу?*

Разные произведения Е. Вихрева в разной степени насыщены территориально маркированной лексикой. Эти различия объясняются художественными задачами писателя, который придавал большое значение отбору языковых средств, во всяком случае вкрапление элементов, обеспечивающих местный колорит, продуманно, уместно, обусловлено тематикой, проблематикой произведения, его субъектной организацией.

VIII. Важно взглянуть на лексические единицы, характеризующиеся определенной территориальной и временной отнесенностью, и с другой стороны – сугубо лингвистической: они позволяют фиксировать состояние диалекта в 20–30-е гг. XX в., представляют один из синхронных срезов его существования. А вместе с данными современных говоров и сведениями, извлеченными из лексикографических источников, делают возможной характеристику диалектного языка в диахроническом аспекте.

Источники и использованная литература:

Вихрев Е. Ф. Избранные произведения. Иваново. 1961.

Вихрев Е. Ф. Родники. М., 1984.

Ворошилова Т. С. Материалы к областному словарю // Уч. зап. ШГПИ. Вып. 9. Шуя, 1960.

Жмурко О. И. Лексика природы. Опыт тематического словаря говоров Ивановской области. Иваново, 2001.

Иванов Ю. А. Уездная идеология. Религиозно-политическая жизнь российской провинции 1860-1910 гг". Иваново: Ивановский государственный университет, 2001.

Короткова Н. Н. А. А. Невский. Из прошлых лет (страницы воспоминаний) // Провинциальный анекдот. Вып. 5. Шуя, 2005.

Д. Семеновский. Избранные стихи. Иваново, 1940.

Дм. Семеновский и поэты его круга. М., 1989.

Принятые в работе сокращения:

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л., 1950–1965.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999.

КРКОС – Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост.: Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. Кострома, 2006.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1984.

Ожегов – Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://academic.ru/>

²⁸ Ср.: *причелинка* ‘деревянная полочка, прибитая к стене’ (Родн.).

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Т. 1–9. Киров, 1996–2014.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–48. М.; Л./СПб., 1965–2015.

ТСЯС – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/>

Ушаков – Толковый словарь русского языка/под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1-4. М., 1934-1940.

ЯОС – Ярославский областной словарь: В 10 вып. / Под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

Перечень районов Ивановской обл.: Вич. – Вичугский, В.-ланд. – Верхнеландеховский, Г.-Посад. – Гаврилово-Посадский, Зав. – Заволжский, Ив. – Ивановский, Ил. – Ильинский, Комс. – Комсомольский, Лежн. – Лежневский, Лух. – Лухский, Палех. – Палехский, Пест. – Пестяковский, Прив. – Приволжский, Пуч. – Пучежский, Родн. – Родниковский, Сав. – Савинский, Тейк. – Тейковский, Фурм. – Фурмановский, Шуйск. – Шуйский, Юж. – Южский, Юрьев. – Юрьевоцкий.

Часть материала опубликована:

Батырева Л. П. Диалектная лексика в произведениях Е. Вихрева // Краеведческие записки. Вып. IX. Иваново, 2006.